

О лингвистической природе каламбуров Ф.И. Тютчева

В статье анализируется семантическая и фонетическая природа каламбуров в эпиграммах, афоризмах, шутках Ф.И. Тютчева и в литературных анекдотах о поэте. Каламбур интерпретируется как результат оппозитивного взаимодействия лексических доминант, в роли которых выступают многозначные, омонимичные и паронимичные слова.

Ключевые слова: *Тютчев; каламбур; семантический и фонетический каламбур; полисемант; омоним; пароним*

Oleg Ye. Voronichev

On the Linguistic Nature of F.I. Tyutchev's Puns

This article analyses the semantic and phonetic nature of Tyutchev's puns in his epigrams, aphorisms and jokes, as well of those used in literary jokes about the poet. The pun is interpreted as the result of an opposition between lexical dominants, the role of which is played by multivalent, homonymous and paronymic words.

Keywords: *Tyutchev; pun; semantic; phonetic; polysemantic word; semantic and phonetic pun; polysemant; homonym; paronymasia*

Обладая редким даром быстро схватывать и определять суть вещей, Ф.И. Тютчев создал стихотворения, которые стали классическими образцами философской лирики. Этот дар поэта органично сочетался с тонким остроумием, способностью заставлять понятие светиться через противоречие. В светских салонах «острословие Тютчева ценили не менее, чем его поэзию» [Чулков 1922: 10]. Его каламбурами восхищались, они передавались из уст в уста. Игра слов в произведениях Ф.И. Тютчева представляет несомненный исследовательский интерес не только сама по себе, но еще и потому, что «среди остроумных словечек и шуток мы находим иногда такие намеки, которые вдруг уведут нас за пределы

тогдашних салонов, и мы видим таинственное лицо дивного поэта» [Там же: 11].

Основываясь на собственных наблюдениях и опираясь на близкие нам интерпретации каламбура [Терещенкова 1988; Саников 1995; Сковородников 2003; Москвин 2007], мы рассматриваем его как синкретичный феномен экспрессивной речи, совмещающий признаки фигуры и жанра и эксплицируемый разнообразными стилистическими приемами, основанными чаще всего на фоноассоциативном взаимодействии, контрастном сдвиге или совмещении экспрессивно-семантических полей оппозитивных лексических доминант, в роли которых, как правило, выступают ЛСВ многозначных, омонимичных или паронимичных слов. В контексте эти доминанты способны быть как материально выраженными, так и имплицитными — при условии закрепленной в языковом сознании ассоциативной связи с эксплицитным оппозитом. Вместе с тем существуют каламбуры с пассивно взаимодействующими экспрессивно-семантическими полями лексических доминант. Следовательно, по характеру соотношения и степени проявления семантической и фонетической природы каламбурности можно выделить:

1) **семантико-фонетический каламбур** — с приоритетом семантической составляющей каламбурного эффекта, т.е. с активно взаимодействующими (смешаемыми и совмещаемыми) контрастными

Олег Евгеньевич Вороничев, доктор филологических наук, доцент кафедры теории и методики начального общего и музыкального образования, Институт педагогики и психологии

E-mail: voonid@mail.ru

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»
ул. Бежицкая, д. 14, Брянск, 241036, Россия
Federal State-Funded Educational Institution
of Higher Education «Bryansk State Academician
I.G. Petrovski University»

14 Bezhitskaya str., Bryansk, 241036, Russia

Ссылка для цитирования: Вороничев О.Е. О лингвистической природе каламбуров Ф.И. Тютчева // Русский язык в школе. — 2019. — № 1. — С. 76–80. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-1-76-80.

экспрессивно-семантическими полями лексических доминант, например: *Каждая его комедия была драмой для режиссера и трагедией для зрителя* (Э. Кроткий) — контрастное совмещение экспрессивно-семантических полей лексических доминант; *У него тоже был соавтор: он писал с грехом пополам* (Он же) — контрастный сдвиг, резкое перемещение из одного экспрессивно-семантического поля того же ключевого слова в омонимическое;

2) фонетико-семантический каламбур — с доминирующей фонетической составляющей каламбурного эффекта, т.е. с пассивно взаимодействующими экспрессивно-семантическими полями лексических доминант:

В полудневный зной на Сене
Я искал напрасно сени,
Вспомнив Волгу, где на сене
Лежа слушал песню Сени:
«Ах, вы, сени мои, сени!..»
(Д. Минаев).

В соответствии с этой общей типологией все каламбуры, встречающиеся в произведениях или письмах Ф.И. Тютчева, а также в воспоминаниях современников или литературных анекдотах, могут быть условно разделены на семантизированные (семанτικο-фонетические) и фонетизированные (фонетико-семантические). Те и другие заслуживают более пристального рассмотрения.

Каламбурное совмещение значений полисеманта у классика философской лирики Ф.И. Тютчева встречается гораздо реже в сравнении с некаламбурной неоднозначностью. Такое соотношение в большей степени объясняется особенностями и традициями жанра, чем идиостилия. В дошедших до нас эпиграммах, афоризмах, шутках Тютчева, в литературных анекдотах, связанных с его именем, присущая поэту каламбурность мышления гораздо более частотна и поражает гармоничным соединением остроты ума с мастерством художника слова. Вот несколько примеров каламбурной неоднозначности, которые основаны на столкновении разных значений полисемантов и в которых явственно проступает творческая индивидуальность автора, его умение полунамеком выразить

сатирико-ироническую насмешку над пороками общества или социально значимой личности:

Не знаешь, что лестней для мудрости
людской:
Иль вавилонский столп немецкого единства,
Или французского бесчинства
Республиканский хитрый строй
[Тютчевiana 1922: 14];

Граф Бейст пользовался некогда громкой известностью, будучи саксонским министром. Ф.И. Тютчев в действиях Бейста видел довольно легкомыслия. Об этом говорили в одном приятельском кружке после обеда. Кто-то, принимая чашку с кофеем, отличного саксонского фарфора, стал любоваться ее легкостью. «По части саксонской *легкости* нет выше Бейста», — заметил Тютчев [Там же: 22];

Над Россией *распростертой*
Встал, внезапною грозой —
Петр, по прозвищу четвертый,
Аракчеев же второй.
[Там же: 13];

Когда *расстроенный* кредит
Не бьется кое-как —
А просто на мели сидит —
Сидит себе как рак...
[Там же].

В первом примере каламбурно совмещены два значения слова *бесчинство*:

1. Беззаконие.
2. Несоблюдение чинопочитания, связанное с отменой Французской революцией существующего порядка иерархии чинов [Голованевский 2009].

Во втором примере — литературном анекдоте о графе Бейсте — наблюдаем противопоставление прямого и переносного значений полисеманта *легкость*; в третьей язвительной эпиграмме (1866), посвященной графу П.А. Шувалову, ближайшему советнику Александра II, каламбурно сталкиваются словарное и контекстуальное значения страдательного причастия *распростертый*:

1. Широко простершийся, занимающий большую территорию.
2. Покорно лежащий на земле у ног всесильного повелителя.

В четвертой эпиграмме — на С.А. Грейга (1866) — сталкиваются разные значения лексемы *расстроенный*:

1. Пришедший в расстройство, неупорядоченный.
2. Огорченный чем-либо.

В данном случае — применительно к кредиту — Тютчев использует олицетворение. Этот прием является одним из атрибутов идиостиля поэта. Ср.: в первой строфе «телеграфного» послания князю Вяземскому (29 июня 1865)¹:

Бедный Лазарь, Ир убогой,
И с усиьем и с тревогой
К вам пишу, с одра привстав,
И привет мой *хромоногой*
Окрылит пусть телеграф —

Тютчев олицетворяет *привет* и *телеграф*. При этом прилагательное *хромоногой* (в сочетании с *привет*) употреблено в двух каламбурно противопоставленных значениях: метафорическом олицетворяющем — ‘хромоногий привет’, т.е. в соответствии с требованиями к жанру телеграммы сжатый, недостаточно подробный, как бы ущербный, и метонимическом — ‘привет больного, хромящего человека’ (известно, что у Тютчева в это время обострилась подагра). Кроме того, как замечает Р.Г. Лейбов, «Ир — гомеровский бродяга, проекция делает самоописание Тютчева оксюморонным» [Лейбов 2004].

Остроумие Ф.И. Тютчева выражается и в каламбурном столкновении свободного и фразеологически связанного значений лексемы. Такое противостояние имеет место, например, в стихотворной шутке с ключевым словом *шляпа* (обыгрывается фразеологизм *дело в шляпе*) и литературном анекдоте, лексической доминантой которого стало слово *рога* (обыгрывается значение, прозрачное во фразеологизме *наставить рога*):

Доехал исправно, усталый и целый,
Сегодня прощаюсь со шляпою белой,
Но с Вами расставшись... не в *шляпе* тут
дело... ;

Когда канцлер князь Горчаков сделал камер-юнкером Акинфьева (в жену которого был влюблен), Тютчев сказал: «Князь Горчаков походит на древних жрецов, которые золотили *рога* своих жертв» [Тютчевiana 1922: 22].

Иногда Тютчев, используя лексическую многозначность, создает более сложное контекстуальное взаимодействие семантической и фонетической составляющих каламбурного эффекта. Так, если значения полисеманта состоят в эксплицитной контактной оппозиции (или дистанцированы, но их разделяет одно или несколько слов), то они выступают в идиостиле Ф.И. Тютчева как семантические и фонетические (или фонетико-графические) аттрактанты:

Между московскими красами
Найти легко, сомненья нет,
Красавицу в пятнадцать лет,
С умом, *душою* и *душами*.

В этой строфе из «Послания к А.В. Шереметеву» (1823) *душа́ми* является одновременно фонетико-графическим аттрактантом — окказиональным акцентным омографом по отношению к узуальной форме Тв. падежа мн. числа *душа́ми*.

В произведениях Тютчева представлен и совершенно особый тип каламбурной лексической неоднозначности — диахроническая энантиосемия, т.е. внутренняя антонимия слова, «одно из значений которого активно функционирует в языке, а другое — устарело» [Махмутова 2011]. Так, во времена Тютчева еще была актуальной исконная семантика ‘прославленный’ прилагательного *пресловутый*, которое употребляется в этом энантиосемичном значении, например, в стихотворении «Там, где горы, убега...»:

Там, где горы, убегая,
В светлой тянутся дали,
Пресловутого Дуная
Льются вечные струи.

Еще большего каламбурного эффекта достигает у Ф.И. Тютчева столкновение омонимов в строфе стихотворения <К.В. Нессельроде> (1850):

Нет, *карлик* мой! трус беспримерный!
Ты, как ни жмися, как ни трусь,
Своей душою маловерной
Не соблазнишь Святую Русь...

В приведенных строках поэт каламбурно обыгрывает имя канцлера Карла Васильевича Нессельроде (который, по свидетельству современников, был небольшого роста), совмещающая в слове *карлик* омонимическое значение фамильярного производного от антропонима *Карл* со значениями нарицательного существительного *карлик* (словарным ‘человек

¹ Здесь и далее тексты Ф.И. Тютчева цит. по: Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. — Л., 1987.

неестественно маленького роста' и контекстуальным переносным 'человек с "маловойской душой" и приземленными, невысокими помыслами') и выражая тем самым свое саркастически-пренебрежительное отношение к министру иностранных дел России за проводимую им проавстрийскую политику.

В эпиграмме «Вольфсону» (1861):

Недаром русские ты с детства помнил звуки
И их сберег в себе сочувствием живым —
Теперь для двух миров, на высоте науки,
Посредником стоишь ты *мировым*

[Тютчевiana 1922: 17],

содержащей намек на то, что написанные на немецком языке труды адресата, друга Тютчева немецкого журналиста Вильгельма Вольфсона, содействовали ознакомлению западноевропейского читателя с русской литературой, имплицитно сталкиваются омонимы-прилагательные: актуальное *мировой*¹, соотносимое с 4-м словарным значением *мир*¹ — 'объединенное по каким-н. признакам человеческое общество, общественная среда, строй' (эта семантика прозрачна благодаря контекстуальной связи прилагательного со словосочетанием *для двух миров* в предыдущей строке), и устаревающее *мировой*² (посредник, судья и т.п., т.е. должностное лицо в судебной-правовой сфере) — 'относящийся к установлению мирных отношений между спорящими сторонами' [СОШ 2003: 358]. Ср. с не менее удачным обыгрыванием омонимов *среда*¹ — 'день недели' и *среда*² — 'окружение' в следующем литературном анекдоте:

Князь В.П. Мещерский, издатель газеты «Гражданин», посвятил одну из своих бесчисленных и малограмотных статей «дурному влиянию среды». «Не ему бы дурно говорить о дурном влиянии *среды*, — сказал Тютчев, — он забывает, что его собственные *среды* заедают посетителей». Князь Мещерский принимал по средам [Тютчевiana 1922: 22].

В эпиграммах Тютчева каламбурно обыгрываются не только собственно лексические, но и лексико-грамматические омонимы. Например, лексической основой каламбура в четверостишии:

Куда сомнителен мне твой,
Святая Русь, прогресс житейской.
Была крестьянской ты избой. —
Теперь ты сделалась *лакейской*

[Там же: 14],

написанном в 1850-е гг., служит имплицитная оппозиция функциональных лексико-грамматических омонимов *лакейская* — субстантивированное существительное и *лакейская* (комната) — прилагательное (по аналогии с *крестьянская /изба/*).

Фонетизированная каламбурность также не чужда Тютчеву, хотя и представлена в его стихотворениях и остроумных высказываниях не столь широко и разнообразно, как семантизированная. По характеру оппозиций ключевых слов, имеющих сходный план выражения, фонетико-семантические каламбуры Тютчева можно условно разделить на два основных типа: аттракции однокоренных слов, различающихся аффиксальным составом, в том числе однокоренных антонимов или квазиантонимов, и парониматические аттракции.

Например, в строках *Я встретил вас — и все былое / В отжившем сердце ожило* стихотворения Ф.И. Тютчева «К.Б.» фонетическая аттракция создана лексико-грамматическими однокоренными антонимами, представляющими собой семантически противопоставленные разные (по категориальной принадлежности) грамматические формы. Сравните: стилистическую основу каламбура *Некую госпожу Audran Тютчев называет «неутомимая, но очень утомительная»* [Тютчевiana 1922: 33] составляет уже аттракция однокоренных квазиантонимов, так как эти слова, принадлежащие к одному лексико-грамматическому классу и даже выступающие в данном контексте в одной и той же грамматической форме, не выражают объективно противостоящие признаки.

Оппозиции паронимов у Тютчева более эффектны в сравнении с оппозитивным взаимодействием однокоренных слов, поскольку противопоставляются не нормативно закрепленные смысловые оттенки (как у паронимов: *трагичный — трагический*), а, как и у омонимов, коренные семантические различия между членами оппозиции. Сравните аттракцию однокоренных слов и собственно парониматическую аттракцию в следующих строках из посвящения графине А.Д. Блудовой (1866) и «Послания к А.В. Шереметеву» (1823):

Как жизнь ни сделалась скуднее,
Как ни пришлось нам уяснить
То, что нам с каждым днем яснее,
Что *пережить* — не значит *жить*...

Насилу добрый гений твой,
Мой брат *по крови* и по лени,
Увел тебя *под кров* родной
От всех маневров и учений...

Как видим, фонетизированная каламбурность в большей степени проявляется в соседствующих строках второго четверостишия, в котором каламбурно взаимодействуют лексико-грамматические паронимы (принадлежность к этому разряду определяется в пределах фонетических слов, включающих в качестве проклитиков предлоги *по* и *под*). В то же время оппозиция *пережить* — *жить* создает дополнительную (внутристрочную) рифму в левой строфе, усиливая тем самым собственно поэтический (художественный) эффект.

Таким образом, как показывает анализ произведений Ф.И. Тютчева и его остроумных из известных из литературных анекдотов, в творческом наследии и метких высказываниях поэта явно преобладает семантизированная игра слов, что можно объяснить философски-критическим складом его ума, направленного прежде всего на поиск смысловых связей и аналогий.

ЛИТЕРАТУРА

Голованевский А.Л. Поэтический словарь Ф.И. Тютчева. — Брянск, 2009.

Лейбов Р.Г. Телеграф в поэтическом мире Тютчева: тема и жанр // Лотмановский сборник: 3. — М., 2004.

Махмутова Л.Р. Энантиосемия в синхронии и диахронии // Русский язык в современном мире: материалы заочной всероссийской научно-практической конференции. — Биробиджан, 2011.

Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. — Ростов н/Д., 2007.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 2003 (СОШ).

Санников В.З. Каламбур как семантический феномен // Вопросы языкознания. — 1995. — № 3. — С. 56–69.

Сквородников А.П. Каламбур // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сквородникова, Е.Н. Ширяева и др. — М., 2003.

Тереженкова А.А. Лингвосемиотическая природа каламбура (означающее каламбура): [на материале фр. яз.] // Стилистический анализ художественного текста. — Смоленск, 1988. — С. 87–100.

Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. — Л., 1987.

Тютчевiana. Эпиграфы, афоризмы, остроты Ф.И. Тютчева. — М., 1922.

Чулков Г. Предисловие // Тютчевiana. Эпиграфы, афоризмы, остроты Ф.И. Тютчева. — М., 1922. — С. 9–12.

REFERENCES

Golovanevsky A.L. Pojeticheskij slovar' F.I. Tjutcheva [Poetic dictionary of F.I. Tyutchev]. Bryansk, 2009. (In Rus.)

Leibov R.G. Telegraf v pojeticheskom mire Tjutcheva: tema i zhanr [Telegraph in Tyutchev's poetic world: Theme and genre]. In *Lotmanovskij sbornik: 3* [Lotman collection: 3]. Moscow, 2004. (In Rus.)

Makhmutova L.R. Jenantiosemyja v sinhronii i diahronii [Enantiosemyia in the synchrony and diachrony]. In *Russkij jazyk v sovremennom mire: materialy zaочноj vsерossijskoj nauchно-praktičeskoj konferencii* [Russian language in the modern world]. Materials of the the All-Russian scientific-practical conference. Birobidzhan, 2011. (In Rus.)

Moskvin V.P. Vyrazitel'nye sredstva sovremennoj russkoj rechi. Tropy i figury. Terminologičeskij slovar' [Expressive means of modern Russian speech. Trails and figures. Terminological dictionary]. Rostov-On-Don, 2007. (In Rus.)

Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, 2003. (In Rus.)

Sannikov V.Z. Kalambur kak semanticheskij fenomen [The pun as a semantic phenomenon]. In *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the study of language]. 1995, No. 3, pp. 56–69. (In Rus.)

Skovorodnikov A.P. Kalambur [Kalambur]. In *Kul'tura russkoj rechi: Jenciklopedičeskij slovar'-spravochnik* [Culture of Russian Speech: Encyclopedic Dictionary-Reference]. Ed. by L.Y. Ivanova, A.P. Skovorodnikova, E.N. Shiryayeva et al. Moscow, 2003. (In Rus.)

Terechenkova A.A. Lingvosemiotičeskaja priroda kalambura (oznachajushchee kalambura): [na materiale fr. jaz.] [Lingvosemiotic nature of the pun (meaning the pun): [on the materials of the French lang.]] In *Stilisticheskij analiz hudozhestvennogo teksta* [Stylistic analysis of the literary text]. Smolensk, 1988, pp. 87–100. (In Rus.)

Tjutchev F.I. Polnoe sobranie stihotvorenij [Complete collection of poems]. Leningrad, 1987. (In Rus.)

Tjutcheviana. Jepigrafy, aforizmy, ostroty F.I. Tjutcheva [Tyutcheviana. Epigraphs, aphorisms and puns of F.I. Tyutchev]. Moscow, 1922. (In Rus.)

Chulkov G. Predislovie [Preface]. In *Tjutcheviana. Jepigrafy, aforizmy, ostroty F.I. Tjutcheva* [Tyutcheviana. Epigraphs, aphorisms, sharpness F.I. Tyutchev]. Moscow, 1922, pp. 9–12. (In Rus.)